

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 94—103.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2022. Iss. 3. P. 94—103.

Научная статья

УДК 1(091)(470+571)“17/18”

DOI: 10.46726/И.2022.3.11

СУДЬБА НАСЛЕДИЯ ПАЛЛАДИЯ РОГОВСКОГО В РОССИИ

Алексей Александрович Исаков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, г. Арзамас, Россия, blauer-reiter@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена развитию представлений о судьбе Палладия Роговского, первого русского доктора философии и богословия. Наследие Палладия для русской интеллектуальной культуры XVIII — начала XIX века означало поворот к католической философско-богословской традиции. В статье анализируется развитие историографической ситуации вокруг фигуры Палладия Роговского. Автор показывает, что Дамаскин (Семенов-Руднев) в 1791 г., в связи с ограниченностью источниковой базы, мифологизировал фигуру Палладия Роговского. Характеризуется судьба рукописного наследия Палладия, в сохранении которого большую роль сыграли епископ Ростовский и Ярославский Досифей (Глебов) и митрополит Нижегородский и Алатырский Исая. Автор отмечает, что оба иерарха подверглись гонениям со стороны правительства Петра I как реакционеры. Они могли видеть в католицизме лучшее средство против петровской модернизации, чем традиционная греческая образованность. В то же время Рафаил Заборовский и Дамаскин (Семенов-Руднев), также много сделавшие для сохранения и распространения наследия Палладия, использовали его преимущественно для развития философского образования в провинции. Развенчивание историографического мифа о Палладии как о жертве «погони за знанием» произошло только в XX веке благодаря публикации документов из архивов католической церкви.

Ключевые слова: российское Просвещение, западное влияние, Палладий Роговский, митрополит Исая, епископ Досифей (Глебов), Дамаскин (Семенов-Руднев)

Для цитирования: Исаков А.А. Судьба наследия Палладия Роговского в России // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3. С. 94—103.

Original article

THE FATE OF PALLADIUS ROGOVSKY'S HERITAGE IN RUSSIA***Aleksey A. Isakov***Lobachevski State University, Arzamas Branch, Arzamas, Russian Federation,
blauer-reiter@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the development of ideas about the fate of Palladius Rogovsky, the first Russian Doctor of Philosophy and theology. The heritage of Palladius for the Russian intellectual culture of the XVIII — early XIX century meant a turn to the Catholic philosophical and theological tradition. The development of the historiographical situation around the figure of Palladius Rogovsky is analyzed. The author shows that in 1791, Damaskin (Semenov-Rudnev) unwittingly, due to the limited source base, mythologized the figure of Palladius Rogovsky. The fate of his handwritten heritage is being characterized, in the preservation of which Bishop Dosifey (Glebov) of Rostov and Yaroslavl and Metropolitan Isaiah of Nizhny Novgorod and Alatyr played a major role. The author notes that both hierarchs were persecuted by the government of Peter I as reactionaries. They could see Catholicism as a better remedy against Peter's modernization than traditional Greek education. At the same time, Raphael Zaborovsky and Damaskin (Semenov-Rudnev), who also did a lot to preserve and disseminate the heritage of Palladius, used it mainly for the development of philosophical education in the province. The debunking of the historiographical myth of Palladium as a victim of the "pursuit of knowledge" occurred only in the twentieth century thanks to the publication of documents from the archives of the Catholic Church.

Keywords: Russian Enlightenment, Western influence, Palladius Rogovsky, Metropolitan Isaiah, Bishop Dositheus (Glebov), Damaskin (Semenov-Rudnev)

For citation: Isakov A.A. The fate of Palladius Rogovsky's heritage in Russia, *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2022, iss. 3, pp. 94—103.

Конец XVIII в. был временем бурного роста исторического знания. Археографические публикации того времени задали направление исследований на многие годы, в том числе и в такой специфической области, как оценка западного влияния на русскую философскую и богословскую мысль. Проводниками этого влияния традиционно были малороссийские иерархи, поэтому исследователи всегда обращали пристальное внимание на фигуры великороссов, игравших ту же роль. Центральной в этом плане стала личность Палладия Роговского (1655—1703), первого великоросса, ценой временного веротступничества получившего докторскую степень по философии и богословию в Риме и превратившего Еллино-греческое училище братьев Лихудов в Славяно-латинскую академию. Первое печатное сообщение о Палладии содержится в «Историческом известии о Московской Академии» Ф. Поликарпова 1726 г., опубликованном в 1791 г. в 16 части «Древней российской вивлиофики». Поликарпов не упоминал о веротступничестве Палладия, согласно «Известию» Роговский «облетая тамо (в западных странах — *А. И.*) аки пчела, возвратися в отчизну, носящ цветы и мед Богословии» [Историческое известие: 302].

Тон историографии надолго задали публикация комплекса документов, связанных с фигурой Палладия Роговского епископом Нижегородским и Алатырским Дамаскином (Семеновым-Рудневым) в том же 1791 г. в 18 части

«Древней российской вивлиофики». Именно здесь впервые прозвучало признание Роговского в перемене веры. Интересующий нас комплекс документов состоит из двух разделов. Первый — «Челобитная к патриарху Адриану, описание жития и учения и исповедание веры игумена Заиконоспасского училищного монастыря Палладия Роговского» [Древняя российская вивлиофика. Ч. 18: 148—197], второй — «Надписи, находящиеся [на стенах] Заиконоспасского училищного в Москве монастыря» [Древняя российская вивлиофика. Ч. 18: 198—201]. Эти разделы подписаны издателем. Под «Челобитной» стоит такая атрибуция: «Сия достопамятная пиеса найдена в Нижегородской семинарской библиотеке между рукописными книгами», под «Надписями» указано авторство всех материалов: «Сообщено от Преосвященного Дамаскина, Епископа Нижегородского 1791 года».

Чем Палладий был так интересен Дамаскину, что он поспешил довести его документы до читающей публики? Как уже говорилось, Палладий Роговский является первым великороссом, получившим степень доктора философии и богословия в Коллегиуме Святого Афанасия в Риме. Родился он в 1655 г. (по западным данным — в 1665) в Тверской земле, в вотчинах Калязинского монастыря (по русским источникам его звали Павел, по западным — Фёдор, по месту рождения он прозывался Рогуша), принял постриг в Саввино-Вишерском монастыре Новгородской епархии, какое-то время служил дьяконом у тамбовского епископа Леонтия, а затем поступил в академию братьев Лихудов. Оттуда он не ранее 1688 г. бежал на Запад, учился в иезуитских коллегиумах Вильно (где по его версии скрыл монашество и изменил фамилию), Нейссе, Ольмюца (где якобы по принуждению принял католицизм), а завершил образование в Риме (где якобы снова по принуждению стал униатским священником). После получения ученой степени он приехал в Венецию и вернулся в православие благодаря митрополиту Филадельфийскому Мелетию Типальди. Там же он сдружился с посольством князя П.А. Голицына и с ним вернулся в Россию в начале 1699 г.

В глазах Дамаскина Палладий был предшественником на посту ректора Московской академии, причем с определенными биографическими параллелями. И Палладий, и Дамаскин, получив западное образование, реформировали преподавание философии и богословия в Московской академии: Палладий в 1700 г. пресек идущую от Лихудов греческую традицию и ввел преподавание на латыни по схоластическим образцам, Дамаскин семьдесят лет спустя перевел его на лейбнице-вольфианские рельсы. Как и Дамаскин, Палладий родился на тверской земле, происходил из простонародья, а главное, как и Дамаскин, вопреки сложившимся обстоятельствам получил образование за границей. Здесь же заключалось и главное отличие: Дамаскин смог добиться законной отправки в Геттингенский университет, Палладий бежал тайно и стал ренегатом.

Комплекс документов, опубликованный Дамаскином, возник именно весной-летом 1699 г. Цель Роговского заключалась в том, чтобы получить прощение за якобы вынужденный и неискренний переход в католичество ради любви к науке, признание священного сана, полученного в Риме, и место учителя в Московской академии. Дело было решено в пользу просителя 2 июня того же года на основании, во-первых, грамоты Мелетия Типальди, в православии которого в Москве не сомневались, а во-вторых, написанного Палладием исповедания веры, включавшего также перечисление всех заблуждений католической церкви и их проклятие. В итоге с 1700 по 1703 гг. Палладий возглавлял Московскую академию. В 1703 г. он неожиданно умер.

Документы, опубликованные Дамаскином, включали в себя саму челобитную Палладия, резолюции патриаршей канцелярии от 10 февраля и 2 июня 1699 г., текст грамоты антиохийского патриарха Макария патриарху Никону от 25 декабря 1657 г. (на ее основании в России было признано поставление Палладия священником в Риме) и, наконец, исповедание веры, написанное Палладием по требованию патриарха Адриана во время «карантина» в Новоспасском монастыре [Древняя российская вивлиофика. Ч. 18: 148—150, 150—151, 152—153, 153—197]. Эти документы носят апологетический характер и за отсутствием других источников о деятельности Палладия в России именно они определили отношение к Палладию как предшественнику Ломоносова в борьбе за образование.

Как эти документы оказались в Нижнем Новгороде? Дело Палладия уложилось в период с 10 февраля по 2 июня 1699 г., когда он находился в московском Новоспасском монастыре, архимандритом которого был Исая. А уже 23 июля того же года Исая получил кафедру митрополита Нижегородского и Алатырского. По сообщению Макария (Миролубова) Исая вступил в конфликт с начальником Патриаршего приказа боярином И.А. Мусиным-Пушкиным, и по итогам расследования, проведенного в 1707 г. драгунским поручиком Василием Тютчевым, в 1708 г. был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь якобы за «потворство» старообрядцам [Макарий: 25—28]. В реальности речь, скорее всего, шла о неприятии Исаяйе такого петровского нововведения, как Монастырский приказ (1701 г.), существенно ограничивавшего финансовую самостоятельность иерархов.

Очевидно, Исая как архимандрит Новоспасского монастыря принял участие в судьбе Палладия и привез с собой в Нижний Новгород копии документов по его делу. Хранились они отдельно от его настольной грамоты — не в ризнице кафедрального собора, а в библиотеке семинарии. Это может объясняться значением исповедания веры Палладия, которое некоторые историки XIX века воспринимали как пособие по изучению католицизма [Смирнов 1855: 172; Никольский: 171].

Комплекс документов Палладия пользовался определенной популярностью у переписчиков. Так, он читался в рукописи № 393 (942) Соловецкого собрания Казанской университетской библиотеки на листах 172—198 в числе полемических статей, а сразу после него шел «чин литургии римской» [Описание рукописей Соловецкого монастыря: 731]. Еще один пример — рукопись № 1547 (160) собрания А.С. Уварова (также Казанского происхождения), написанная уже в начале XIX века, где на листах 356—384 читалось исповедание веры Палладия [Систематическое описание славяно-русских рукописей: 184].

Впервые после Дамаскина к этому сюжету обратился, видимо, Евгений Болховитинов, однако его изложение публикации нижегородского епископа изобилует неточностями и хронологическим, и событийным планами [Евгений: 149]. Начиная с развернутой статьи Н.И. Надеждина в 1840 г. [Надеждин] челобитная Палладия считалась искренней, а сам Роговский рассматривался как жертва своей погони за знанием. В сокращенном виде эта точка зрения представлена у А. Смеловского [Смеловский: 75]. И Н.И. Надеждин, и А. Смеловский, и автор упомянувшей Палладия и его исповедание веры «Истории Московской славяно-греко-латинской академии» С.К. Смирнов [Смирнов 1855: 78—80] опирались только на публикацию Дамаскина.

Чуть шире был круг источников «Обзора русской духовной литературы» Филарета (Гумилевского), приписавшего Палладию перевод «Истории

церковной» Никифора Каллиста Ксанфопула [Филарет 1857: 257]. Три десятилетия спустя Филарет атрибутировал Палладию также описание Рима конца XVII в., известное по вставке в Снегиревский список Псковской летописи и опубликованное еще в 1838 г. [Филарет 1884: 162]. Описание Рима начинается с довольно резкого выпада против римлян вообще: «...все Римляне имеют обычаи волчьи и больше причастницы суть зверству, нежели человечеству» [Русский биографический словарь: 109], однако в дальнейшем автор только восхищается римскими порядками: ему нравится свобода женщин, безопасность общественных мест и даже последовательная борьба инквизиции с инакомыслием. Происхождение Снегиревского списка Псковской летописи сложно определить. Отдельные филигранные рукописи датируются периодом с 1694 по 1710 г. [Псковские летописи: XVIII]. Многие псковские иерархи первой половины XVIII века были связаны с Заиконоспасским монастырем, однако больше всех шансов привезти описание Рима во Псков было у Рафаила Заборовского (1677—1747), в молодости — студента Киевской академии, перешедшего отсюда в Московскую и после выпуска (в начале 20-х гг.) служившего в ней учителем риторики [Смирнов 1855: 216]. Более того, в 1723 г. Рафаил стал архимандритом Троицкого Калязинского монастыря, в котором хранилась печатная Миня с автографом Палладия [Бушлякова]. В отличие от Исая, Рафаил не конфликтовал со светскими властями, его интерес к Палладию, видимо, объяснялся стремлением развивать философское образование, родоначальником которого он и стал во Пскове.

В 1862—1863 годах М. Никольский подготовил серию очерков о великороссах, принимавших католичество «ради науки». Фигура Палладия несколько иначе заиграла на фоне своего неудачливого предшественника — белоруса Григория Скибинского, который раньше него получил степень доктора богословия в Италии и явился к патриарху Адриану с целью получить должность в Московской академии. Без письменных гарантий православных иерархов ему не поверили. Скибинский не стал писать исповедание веры и, видимо, просто сбежал из Москвы. В то же время челобитная Палладия продолжала восприниматься как искренняя, так как никакими другими источниками, кроме публикации Дамаскина, М. Никольский еще не располагал [Никольский].

После создания губернских ученых архивных комиссий судьба Палладия стала предметом занятий Тверской УАК. А.А. Митропольский первым обобщил опубликованные сведения о нем, причем оказалось, что в Саввино-Вишерском монастыре послушником Николаем Уятинным в 1850-е гг. было составлено рукописное жизнеописание Палладия. Оно тоже восходило к публикации Дамаскина, но включало в себя самостоятельное описание дороги из Венеции в Москву и ходатайства братьев Нарышкиных за Палладия перед Петром I. Сейчас рукопись хранится в Госархиве Тверской области (ф. 103, оп. 1, д. 2982). Уже в 1884 г. она находилась в неудовлетворительном состоянии [Митропольский: 9], согласно современной описи у нее отсутствует конец.

Новые источники ввел С.К. Смирнов, в 1883 г. опубликовавший десять поучений по рукописному сборнику начала XVIII в. из Ярославского Спасского монастыря. Атрибуция была основана на включении в сборник истории Ксанфопула, которая была «с греко-латинского языка переведена грешным и недостойным Палладием, игуменом Спасского монастыря, что за иконным рядом, рождением от Кашина града» и написана тем же почерком, что и поучения. Публикатор отметил прозападное содержание поучений, выражавшееся

в подборе авторитетов, и в то же время — риторическое дистанцирование автора от католицизма [Смирнов 1883: 273—276]. Заметим, что по меньшей мере «Поучение на Введение во храм...» свободно от засилья католических авторитетов [Смирнов 1883: 292—298], но при этом в вопросе о хронологии сотворения мира Палладий стоит на католической точке зрения (считая до Рождества Христова 4156, а не 5508 лет) [Смирнов 1883: 324]. Интересна эта рукопись также наличием в ней других переводов с греческого, что ставит под сомнение распространенное мнение о том, что Палладий не знал этого языка [Историческое известие: 302; Порфирьев: 655].

Очевидно, она попала в Ярославль благодаря епископу Ростовскому и Ярославскому Досифею (Глебову). Будучи изначально дворовым человеком Лопухиных, он смог сделать карьеру благодаря близости к А.Д. Меншикову. Досифей правил епархией в 1711—1718 гг. Накануне назначения, в 1710 году, Досифей находился в Новоспасском монастыре, где, как мы помним, пребывал Палладий весной — летом 1699 г. По информации П.И. Мельникова-Печерского обвинялся в потворстве хлыстам и был казнен по делу царевича Алексея, видимо, больше в силу своей ранней близости к Лопухиным, чем в силу реального участия в сопротивлении петровским реформам.

Апофеозом апологии Палладия стала «церковно-историческая хроника» П.А. Россиева — беллетризованное изложение всего, что было тогда известно о Палладии [Россиев], кроме, видимо, публикации писем жившего в Москве иезуита Франциска Эмилиана, в которых Палладий рассматривался как инструмент в руках ордена [Письма и донесения иезуитов: 25—27, 49]. Хронология этих писем отличается от хронологии челобитной. В ней события разворачиваются в феврале — начале июня 1699 года, а письма датируются 23 июня и 15 декабря, причем по первому письму Палладий находится в заточении, хотя согласно челобитной он уже был освобожден (2 июня юлианского стиля в XVII веке — это 12 июня григорианского). Несмотря на это, письма Франциска Эмилиана подтверждают авторство Палладия относительно описания Рима, поскольку в нем эмоционально упоминается «законник Францышк, который живет в Кокуе слободе..., чтобы прельщати православных закона Греческого» [Описание Рима: 113]. В свою очередь, описание Рима может свидетельствовать о том, что Палладий водил своего московского куратора за нос. Это объясняло бы хронологические расхождения московского делопроизводства и писем иезуита: Роговский отказывался от сотрудничества под предлогом пребывания в заточении или недоверия со стороны москвитов, тогда как на деле он уже шагал по карьерной лестнице. Понятно, что связь с иезуитом поставила бы на его карьере крест.

Истина восторжествовала благодаря допуску русских ученых в архивы иезуитской Коллегии Пропанды. Первым в традиционной версии вынужденного отречения усомнился в 1931 г. Е.Ф. Шмурло, опубликовавший т.н. «Венецианское письмо» Палладия и установивший, что Палладий принял католичество еще в Москве [Шмурло]. Ему в целом следовал Г.В. Флоровский [Флоровский: 79]. Окончательно развенчал легенду современный исследователь священник А.О. Ястребов. С новыми источниками он подтвердил, что Палладий тайно и добровольно перешел в католичество еще в Москве, а рукоположения в униатские священники в Риме он добивался сам. Митрополит

Филадельфийский Мелетий Типальди был тайным сторонником унии¹. Коллегия Пропаганды также имела свой взгляд на судьбу питомца, полагая рано умершего Палладия «отравленным схизматиками» [Ястребов]. Таким образом был развенчан красивый историографический миф о предшественнике Ломоносова. Впрочем, новые находки возможны еще и в российских древлехранилищах. Так В.А. Бушлякова два десятилетия назад обнаружила автограф Палладия на Минее московской печати, в 1688 г. внесенной им в Троицкий Калязин монастырь. Этот акт исследовательница расценила как «прощание с домом, с родной землей перед дальней дорогой в неизведанное» [Бушлякова: 54].

В целом личность Палладия, несмотря на недолгое его пребывание во главе Московской академии, была популярна в великорусских землях XVIII — начала XIX в. Памятники, связанные с ним, оказались не только в тех точках, с которыми связана биография Роговского (Троицкий Калязин и Саввино-Вишерский монастыри), но и в Ярославле, Нижнем Новгороде, Пскове, Казани и на Соловках. В этой связи представляет большой интерес решение вопроса о мотивах вероотступничества Палладия и его действительных религиозных взглядах. Конечно, квалификация мировоззрения этого интересного деятеля русской церкви — предмет особого исследования, однако одно соображение можно высказать и здесь. Итак, апологии православия в русских текстах Палладия соответствует такая же уверенная атрибуция его как католика в документах иезуитов. Мы полагаем, что ключом к решению может быть отмеченное нами несовпадение хронологии событий в письмах Франциска Эмилиана и документах, связанных с челобитной Палладия. Палладий целенаправленно перешел в католичество ради получения докторской степени, а затем перестал сотрудничать со своими кураторами и даже выдал их (хотя бы в описании Рима). Однако и православие не было для него самостоятельной ценностью, так как он отказался от него раньше, чем сообщил в челобитной, и безо всякого принуждения.

Интересен и параллелизм судеб русских иерархов, с именами которых связано распространение сочинений Палладия. Исайя Нижегородский и Алатырский и Досифей Ростовский и Ярославский были в разной степени репрессированы правительством Петра Великого. В обоих случаях предлогом послужили их симпатии раскольникам (старообрядцам вообще или даже конкретно хлыстам), реальные же причины заключались в критическом отношении к политике Петра в отношении церкви. Рафаил Заборовский и Дамаскин (Семенов-Руднев) в большей степени воспринимали Палладия как одного из основоположников философского образования в России. Сами эти иерархи стали родоначальниками преподавания философии во Пскове и в Нижнем Новгороде соответственно. Однако судьба Дамаскина имеет параллели и с судьбами Исаяи и Досифея. Считавшийся либеральным в отношении старообрядцев иерей в конце карьеры подвергся опале со стороны Екатерины Великой — в том числе и в силу жалоб со стороны крупных нижегородских помещиков и собственно представителей старообрядчества. Поэтому можно сказать, что наследие Палладия Роговского интересовало оппозиционно настроенные круги русского духовенства. В начале XVIII столетия это были консерваторы — противники петровских реформ, которые могли восприни-

¹ Об этом знал еще Н.И. Надеждин, но этот автор раздвоил Типальди, не отождествив его с Филадельфийским митрополитом Мелетием [Надеждин: 620, 627].

мать контрреформацию и вторую схоластику как лучшее средство против протестантского влияния, чем традиционная греческая образованность. В конце того же столетия эстафету принимает, наоборот, один из самых либеральных русских святителей, видевший в Палладии, прежде всего, ценителя западной науки, а не религиозности.

Список источников

- Древняя российская вивлиофика. Ч. 18. Изд. 2-е. М.: В тип. Компании типографической, 1791. 436 с.
- Историческое известие о Московской Академии, сочиненное в 1726 году от Справщика Федора Поликарпова, и дополненное Преосвященным епископом Смоленским Гедеоном Вишневым // Древняя российская вивлиофика. Ч. 16. Изд. 2-е. М.: В тип. Компании типографической, 1791. С. 295—306.
- Макарий (Миролюбов). История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года. СПб.: Изд. Н.Г. Овсяникова, 1857. 247 с.
- Описание Рима, составленное русским путешественником, в конце XVII века // Сын Отечества. 1838. Т. 1. М.: В тип. А. Смирдина, 1838. С. 109—130.
- Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. СПб.: Сенатская тип., 1904. 282 + 11 с.
- Псковские летописи // Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры, 2003. Т. 5. Вып. 1. 256 с.
- Смирнов С.К. Десять поучений первого русского доктора богословия, игумена Палладия Роговского // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе за 1883 год. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К^о, 1883. Ч. 32. С. 267—339.

Список литературы / References

- Бушлякова В.А. Автограф Палладия Роговского в фондах Тверского государственного объединенного музея // Дни славянской письменности и культуры: сб. докладов. Тверь: [б.и.], 2002. С. 51—54.
- (Bushlyakova V.A. Autograph of Palladium Rogovsky in the funds of the Tver State United Museum, *Days of Slavic writing and culture: collection of pre-treasures*, Tver, 2002, pp. 51—54. — In Russ.)
- Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т. 1. Изд. 2-е. СПб.: В тип. И. Глазунова, 1827. 333 с.
- (Evgenii (Bolkhovitinov). Historical Dictionary about the writers of the spiritual rank of the Greek-Russian Church who were in Russia, vol. 1, ed. 2, St. Petersburg, 1827, 333 p. — In Russ.)
- Митропольский А.А. Палладий Роговский, первый русский доктор богословия и философии, уроженец Тверской губернии // Журнал 33-го заседания Тверской ученой архивной комиссии апреля 7-го 1891 года. Тверь: Тип. губ. правления, 1892. С. 9—13.
- (Mitropol'skii A.A. Palladius Rogovsky, the first Russian Doctor of theology and philosophy, a native of Tver province, *Journal of the 33rd meeting of the Tver Scientific Archival Commission on April 7, 1891*, Tver, 1892, pp. 9—13. — In Russ.)
- Надеждин Н.И. П. Роговский — первый русский доктор // Сын Отечества. 1840. Т. 4. М.: В тип. А. Смирдина, 1838. С. 596—621.

- (Nadezhdin N.I. P. Rogovsky is the first Russian doctor, *Son of the Fatherland*, 1840, vol. 4, Moscow, 1838, pp. 596—621. — In Russ.)
- Никольский М. Палладий Роговский // Православное Обозрение. Кн. 10. М.: Тип. Каткова и К°, 1863. С. 162—172.
(Nikolsky M. Palladius Rogovsky. *Orthodox Review. Book 10*, Moscow, 1863, pp. 162—172. — In Russ.)
- Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 1. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1881. 756 + XLVII с.
(Description of the manuscripts of the Solovetsky Monastery, located in the library of the Kazan Theological Academy, part 1, Kazan, 1881, 756 + XLVII p. — In Russ.)
- Палладий (Роговский) // Русский биографический словарь. Т. 13 / под ред. А.А. Половцова. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1902. С. 151—153.
(Polovtsov A.A. (ed.) Palladius (Rogovsky), *Russian Biographical Dictionary*, vol. 13, St. Petersburg, 1902, pp. 151—153. — In Russ.)
- Порфирьев И. История русской словесности. Ч. 1. Изд. 8-е. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1909. 728 с.
(Porfiriev I. History of Russian Literature. Part 1. Ed. 8. Kazan, 1909, 728 p. — In Russ.)
- Россиев П.А. Палладий Роговский. Церковно-историческая хроника. СПб.: Изд. П.П. Сойкин, 1906. 155 с.
(Rossiev P.A. Palladius Rogovsky, Church Historical chronicle, St. Petersburg, 1906, 155 p. — In Russ.)
- Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А.С. Уварова. Ч. 3. Сост. архимандрит Леонид. М.: Тов-во Тип. А.Н. Мамонтова, 1894. 363 с.
(Archimandrite Leonid (comp.) *Systematic description of the Slavic-Russian manuscripts of the collection of Count A.S. Uvarov*, Part 3, Moscow, 1894, 363 p. — In Russ.)
- Смеловский А. Братья Лихуды и направление теории словесности в их школе (окончание) // Журнал министерства народного просвещения. Ч. XLV. СПб.: В тип. Имп. Академии наук, 1845. С. 63—96.
(Smelovsky A. The Likhuda brothers and the direction of the theory of literature in their school (graduation), *Journal of the Ministry of Public Education*, vol. XLV, St. Petersburg, 1845, pp. 63—96. — In Russ.)
- Смирнов С.К. История Московской славяно-греко-латинской академии. М.: В тип. В. Готье, 1855. 430 с.
(Smirnov S.K. History of the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy, Moscow, 1855, 430 p. — In Russ.)
- Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862—1720. СПб.: В тип. Имп. Академии наук, 1857. 300 с.
(Filaret (Gumilyevsky). Review of Russian spiritual literature. 862—1720, St. Petersburg, 1857, 300 p. — In Russ.)
- Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. 862—1863. СПб.: Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1884. 511 с.
(Filaret (Gumilyevsky). Review of Russian spiritual literature. 862—1863, St. Petersburg, 1884, 511 p. — In Russ.)
- Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Вильнюс: Вильтис, 1991. 601 с.
(Florovsky G.V. The Ways of Russian Theology, Vilnius, 1991, 601 p. — In Russ.)

Шмурло Е.Ф. Русские католики конца XVII века по данным архивов Коллегии Пропаганды и Коллегиума Св. Афанасия // Записки Русского научного института в Белграде. 1931. Вып. 3. С. 1—29.

(Shmurlo E.F. Russian Catholics of the end of the XVII century according to the archives of the College of Propaganda and the Collegium of St. Athanasius, *Notes of the Russian Scientific Institute in Belgrade*, Belgrade, 1931, iss. 3, pp. 1—29. — In Russ.)

Ястребов А.О. Венецианский след в жизненном пути игумена Палладия Роговского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: «Богословие. Философия». 2014. № 4. С. 9—28.

(Yastrebov A.O. The Venetian trace in the life path of Abbot Palladius Rogovsky, *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities, Series I: "Theology. Philosophy"*, 2014, iss. 4, pp. 9—28. — In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.04.2022; одобрена после рецензирования 06.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 29.04.2022; approved after reviewing 06.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Информация об авторе / Information about the author

Исаков Алексей Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, обществознания и права, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Арзамасский филиал, г. Арзамас, Россия, blauer-reiter@yandex.ru.

Isakov Aleksey Aleksandrovich — Candidate of Philosophical sciences, Associate Professor of the Department of History, Social Sciences and Law, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Arzamas Branch, Arzamas, Russian Federation, blauer-reiter@yandex.ru.